

НАТАЛИЯ КУЛИКОВА

“ЖИВОЕ ЛИЦО ВРЕМЕНИ”

В 2014 году – двойной юбилей русского литературного критика Игоря Дедкова. В апреле исполняется 80 лет со дня его рождения, в декабре – 20 лет со дня смерти. Он был одним из наиболее ярких, талантливых и интересных критиков 60-х – начала 90-х годов. Писал о “деревенской прозе”, о “военной прозе”, о книгах, где бьётся пульс живой народной жизни со всеми её сложностями и противоречиями. “Без верности жизни – какая литература?” – спрашивал И. Дедков. Но и критерий высокого художественного уровня произведений был для него необычайно важен.

В 70-е годы И. А. Дедков активно сотрудничал с журналом “Наш современник”. Это было время, когда журнал объединял на своих страницах лучшие литературные силы страны. В журнале печатали свои новые произведения Фёдор Абрамов, Василий Белов, Виктор Астафьев, Сергей Залыгин, Гавриил Троепольский, Василий Шукшин, Владимир Тендряков. Главный редактор журнала Сергей Викулов пригласил к сотрудничеству и молодого костромского критика И. Дедкова. В журнале были напечатаны его статьи о прозе В. Распутина, Е. Носова, С. Залыгина, В. Сёмина, К. Воробьёва. В 1975 году за статью “В поле две воли... Проза Гавриила Троепольского” И. А. Дедкову была присуждена премия журнала по разделу критики. Позднее, ещё во времена редакторства С. Викулова, пути журнала и критика разошлись. В 90-е годы, когда редактором “Нашего современника” стал Ст. Куняев, И. Дедков также занимал по отношению к журналу и его авторам достаточно критическую позицию.

В своих заметках я не собиралась вдаваться в суть идейных разногласий Игоря Дедкова с разными литературными партиями и направлениями. В чём-то он, наверное, заблуждался, отнюдь не всегда был прав. Иметь свою собственную позицию в годы “разброда и шатаний” очень нелегко. На чьей стороне правда – покажет время. Мне хочется написать о человеке и критике И. А. Дедкове, показав его таким, каким я его помню и люблю. Думается, что именно журнал “Наш современник” с его любовью к русской классической литературе и критике в год двойного юбилея Игоря Александровича должен добрым словом вспомнить о нём, потому что он любил Россию, провинцию, живую народную жизнь, болел за судьбу простого человека. Чтобы мы все его помнили.

“Живое лицо времени” – так называлась книга очерков и размышлений о прозе 70–80-х годов, которую Игорь Александрович Дедков подарил мне летом 1986 года в Костроме, когда я приехала туда в отпуск.

Игорь Дедков был одним из самых интересных литературных критиков тех лет. В начале 60-х годов, когда совсем молодой девчонкой после окончания школы я работала помощником корректора в газете “Молодой лени-

нец», я встречала Игоря Александровича и его жену Тамару Фёдоровну (они работали тогда в областной газете «Северная правда») на совместных поэтических вечерах в редакции «Северной правды», во время поездок «на картошку». Статьи И. Дедкова в костромских газетах уже тогда обращали на себя внимание искренностью, талантом, хорошим литературным языком и какой-то интеллигентностью. Отец знал его ближе, об их семейной паре он всегда говорил с любовью, уважением и даже нежностью, что нечасто встречается в газетном мире, где не очень-то признают чужие авторитеты. Вместе они были для него «Игорь Дедков и Тамарочка Сальникова».

К сожалению, запомнилось далеко не всё из тогдашнего нашего разговора в том далёком 86-м году, больше говорили они с отцом — их многое связывало в костромском литературном мире, я в основном слушала. Запомнила скромную, небольшую квартирку на проспекте Мира, где всюду были книги — на стеллажах, на полках, на столе... Игорь Александрович говорил о том, что работает над новой статьёй о творчестве В. Богомолова — они переписывались, дружили, — что скоро должна выйти его статья о новом романе Ю. Бондарева «Игра» (за эту статью на костромского критика тогда многие ополчились!). Говорили и о том, что есть планы переехать в Москву — там жили его и Тамары Фёдоровны родители, учился в университете младший сын, — что С. П. Залыгин, только что назначенный редактором «Нового мира», приглашает в журнал первым замом, но полной определённости нет...

Собственно, в Кострому Игорь и Тамара приехали по распределению после окончания Московского университета, но за тридцать без малого лет жизни и работы сердцем прикипели к этому старинному провинциальному городу. Какой непростой была эта жизнь, я поняла только позже, в 90-е годы, когда Игоря Александровича уже не было в живых, читая в «Новом мире» его дневники, подготовленные к печати женой Тамарой Фёдоровной — низкий ей за это поклон.

Как память о той примечательной встрече у меня осталась книга «Живое лицо времени» с автографом: «Наталии Сергеевне Куликовой на добрую память о Костроме и авторе. С самыми добрыми пожеланиями Игорь Дедков». Есть в нашей семье и ещё одна дорогая нам книга И. А. Дедкова, вышедшая в Ярославле в 1981 году и подаренная им отцу, — «Во все концы дорога далека». Она открывается прекрасным очерком «Пейзаж с домом и окрестностями» — пронзительно лиричным объяснением в любви к провинции и Костроме.

Кострома не была его малой родиной, он приехал туда в сентябре 1957 года после окончания факультета журналистики МГУ. Вот как Игорь Александрович пишет об этом в очерке 1979 года «Пейзаж с домом и окрестностями»: «А где же моя малая родина, — иногда думаю я, — где дом тот и сад, речка под горой, поле за речкой, ржаные колосья выше головы?... Ни крыльца, ни дома, ни сада, ни улицы.

Мне было семь лет, когда в сорок первом мы бежали из Смоленска в ближние, а потом в дальние деревни, в ближние, а потом в дальние города, и назад уже не вернулись.

После войны осели в Подмосковье, перебрались в Москву, но и в Москве прожил недолго. Так получилось: нигде — долго; ни в Смоленске, ни в Киргизии, куда забросила война и где лечился в детском санатории от туберкулёза, ни в подмосковной Ухтомке... Но сколько детей не выжили в ту войну, а те, кто выжил, болевшие, голодавшие, скитавшиеся, — счастливы!» Так он считал.

«Когда распределяли на работу, я попросил о Вологде или Костроме», — подростком с родителями недели две отдыхал в Щелькове, и навсегда запомнились эти места, связанные с великим Островским и его «Снегурочкой». Приехал в Кострому не только по распределению, но и по чувству нравственного долга. Те, кто считал работу в провинции принудительной, через два-три года подтягивались в столицу и устраивались поудобнее. Игорь Дедков остался.

«...приехал в Кострому работать. Позже понял, что приехал жить... Наверное, Кострома и есть моя настоящая малая родина. Что толку искать, выдумывать другую, когда полжизни прожито здесь, лучшие годы, что ни говори... Теперь это твой дом, думаю я ещё, дом твоей семьи, твоих друзей и знакомых, твоё пристанище и прибежище, твой ближайший мир, где ты более чем где-либо — свой». И ещё: «Если человек хочет работать, то он работает всюду, и лишь это имеет значение». Для Дедкова это было важно — это

были “какие-то высшие правила жизни, которые нельзя нарушать, кто бы и сколько бы раз ни нарушал их вокруг”.

Где же начало, истоки, корни нравственных принципов, характера, тех самых *правил жизни*, нарушать которые нельзя ни при каких обстоятельствах? Все мы родом из детства. Военное детство Игоря многое объясняет в нём. Отец, Александр Семёнович, и оба брата отца, Виктор и Дмитрий, воевали, у Александра Семёновича среди других воинских наград – орден Красной Звезды, Виктор Семёнович – Герой Советского Союза.

Вот одна из ранних записей в дневнике И. Дедкова: “15.11.54. Разве это справедливо? У меня новый дорогой костюм, а у него дешёвенький, невидный. У меня позади школа и два курса университета. А у него?.. У него инвалидность второй группы и двое детей. Образование – 9 классов. Будущего нет – учиться не позволяет рана. Разве это справедливо? Он в 17 лет пошёл на фронт – я не видел горя... Разве имею я право жить лучше, чем он сейчас?” Игорь пишет об одном из своих знакомых, молодом фронтовике, жившем по соседству с семьёй Дедковых на станции Ухтомская. В молодости многие из нас остро чувствуют чужое горе, несправедливость, но лишь единицы сохраняют умение сопереживать, сострадать в зрелые годы. Игорь Дедков был как раз одним из немногих. “Подобные “высокие окликающие голоса” жизни, тревожные, будоражащие, зовущие, – пишет А. Турков, – особенно явственно слышал Дедков в своём костромском “захолустье”.

Позади остались годы учёбы в Московском университете, бурная студенческая юность. Это были 50-е – годы хрущёвской оттепели. Казалось, многое изменится, пойдёт теперь по-другому – студенты журфака были в этом уверены. Весной 1956 года, вскоре после исторического XX съезда КПСС, студенты четвёртого курса факультета журналистики устроили комсомольское собрание с повесткой дня: “Место журналиста в общественно-политической жизни страны”. С докладом выступил секретарь курсового бюро Игорь Дедков. В докладе прозвучали слова “сталинизм”, “отсутствие гласности”, студенты требовали изменений в преподавании общественно-политических и специальных дисциплин на факультете, углубления процесса демократизации в стране и в партии. Стенограмма собрания была вывешена в коридорах журфака как спецвыпуск факультетской студенческой газеты “Журналист”. Вскоре партбюро факультета обвинило организаторов собрания и новый состав факультетского бюро, секретарём которого был избран Игорь Дедков, в “мелкобуржуазности, нигилизме, анархизме, авангардизме, троцкизме, в политической невоспитанности и незрелости” и т. п. Газета “Московский комсомолец” написала, что комсомольская организация факультета журналистики МГУ противопоставила себя партийной организации факультета и в целом партии. Ефим Степанович Ухалов, один из любимых на курсе преподавателей, участник гражданской войны, в те годы заведовавший кафедрой истории русской журналистики, пытался защитить Дедкова и других студентов в “высоких начальственных кабинетах”, но его не поняли. “С кем вы останетесь, если такие головы вам не нужны?” – уходя, бросил он. Будущее исчерпывающе ответило на этот вопрос. Отталкивая, отторгая тех, кто честно и искренне пытался занять активную общественную позицию, поощряя подхалимов и карьеристов, общественная система способствовала собственному краху, за что в итоге так жестоко поплатилась наша страна.

Дорого обошлась Игорю Александровичу эта студенческая история. Официально “университетское дело” Дедкова было закрыто в 1959 году, на самом деле областное управление госбезопасности держало его под контролем все годы его работы в Костроме, и это изрядно отравляло ему жизнь.

“Я не жалею, что из всех возможных выбрал “костромской” путь, – писал он в дневнике. – Жаль только, что здоровье, нервы, умственная энергия так часто расходовались на дело казённое, конторское, на три четверти бесполезное, на людей фальшивых, недалёких и самодовольных. Там, на триста семьдесят шестом километре от Москвы, я открыл, что служба требует не ума и творчества, а послушания и ремесленничества. Ум и творчество – это сугубо добровольное и беспокойное приложение к служебной нуде, которое ты делаешь в силу угнездившихся в тебе идеалов”.

Тревожные раздумья о жизни и журналистской работе, несоответствие официально провозглашаемого и реальной жизни вокруг – всё то, с чем не могла смириться душа честного и искреннего человека, находило отражение на

страницах дневника: “1.8.57. Да, можно построить государственный социализм, социализм армейский, казарменный. Там не будет уважения к рядовым людям, они останутся строителями-чернорабочими, их судьбы по-прежнему будут решать члены святого семейства, они по-прежнему будут марионетками в руках идеи, не собственной идеи, а идеи, господствующей в их воздухе”; “27.3.58. Корреспондент “Известий” Ю. Феофанов делал очерк о Милевском (председателе колхоза “Рассвет” Буйского района). В очерке Милевский показывает дояркам, как доить, с косцами идёт рядом... Феофанов пробыл в колхозе день. Колхозники за глаза потешаются над Милевским, человеком сугубо городским”; “28.3.58. Один из наших внештатных авторов по заданию П. П. Горячева (зав. отделом партийной жизни) пошёл на завод имени Красина, чтобы сделать отзыв на материалы сессии Верховного Совета. Вернулся через час, ничего не принёс, расстроенный. “Нет, журналиста из меня не получится. Не могу я. Никакой трудовой вахты там нет, бесед нет, а отклики – так там не для газеты. Не могу я... Через два дня приду, может, дадите другое задание”.

Необходимость двойной бухгалтерии, двойной нравственности была ненавистна Дедкову, неприемлема для него. “Дневник”, 1959 год: “Я не верю, что есть герои, не знающие сомнений. Бывают люди, отшвыривающие сомнения от себя, потому что это неудобно и лишает покоя. Я же отдался им, открыв все закоулки своего сознания: я задыхался в те дни – мне не хватало веры, этой мягкой неисчерпаемой кислородной подушки человечества”. Примерно в те же дни он записывает в дневник близкую ему мысль Романа Роллана: “Мне ненавистен идеализм, трусливо отводящий взор от жизненных невзгод и душевных слабостей... Героизм – это видеть мир таким, каков он есть, и любить его”.

Героем Игорь Александрович себя не считал, но и трусливо отводить “взор от жизненных невзгод” не умел и не хотел. “Люди бывают жизнью заташованы, как карты, – писал он в дневнике, – не найдёшь, где и краешком высунется”. Такая участь могла ждать и Дедкова, если бы не присутствие в его характере упорной силы сопротивления и если бы не уверовал он в ту самую провинцию, не полюбил костромскую глубинку, не привязался к ней всем сердцем, как когда-то Островский и Некрасов, Ремизов и Кустодиев...

Не полюбил бы – не смог бы написать прекрасную прозу “Пейзаж с домом и окрестностями” о костромских местах и людях, с этими местами связанных. Не знаю ничего более тёплого, искреннего и проникновенного о русской провинции, чем этот очерк Игоря Дедкова. Судите сами:

“Вспоминают, что Островский расхваливал Щельково неумеренно, восхищался им преувеличенно. Хвастался, как богач богатством.

Он писал, что, будь эти места неподалёку от Москвы и Петербурга, их сравнивали бы с красотами Швейцарии и Италии.

Что ж, восхищался, потому что любил. Расхваливал, чтобы гости дорогие что-нибудь разглядели и запомнили.

Истинная красота открывается взгляду чуткому и любящему. Бывает, не понять сразу или вообще не понять, за что любят этого человека, этот дом, эту местность, этот неказистый бедный городок...

Через Щельково легче понять Островского. Что-то должно было питать его художественную и умственную независимость; что-то должно было склонять его к наиболее естественному, народному взгляду на радости, беды, превратности человеческого существования. Он знал, как жалеть и прощать, чего стыдиться, с чем не смиряться, чем не гнушаться и как ценить человеческое достоинство.

Через Щельково, через Кинешму и Кострому открылась Островскому русская провинциальная жизнь, глубина страны”.

“А расслышать ли Катерину Кабанову, увидеть ли Ларису Огудалову, понять ли их, не зная Костромы, Кинешмы, Щелькова, старых волжских берегов?

Да и живописный духовный мир русского художника Б. М. Кустодиева постичь ли сполна, не побродив по улицам и площадям приволжских городов, где живы ещё торговые ряды, пожарные каланчи, гауптвахты, купеческие особняки и лабазы, храмы да часовни... Но и без Кустодиева те ли это улицы и храмы, та ли волжская даль, тот ли снег в солнечном марте...

“Вы большой исторический живописец, – сказал М. В. Нестеров, расставаясь с большим Кустодиевым весной двадцать третьего года, – у вас широкий охват русской жизни, и это обязывает вас перед будущим...”

Теперь-то понятно, почему исторический живописец. Через Кустодиева осталась для жизни Россия, которой уже нет.

Кустодиева мало волновали мощные монастырские стены, крепостные башни, столетние пушки на крепостном валу. Он лучше чувствовал иную Россию, мирную, нежесточившуюся, ничем не стеснённую, неунывающую, умеющую радоваться жизни. Ему была дорога Россия, несовместимая с безобразием и серой монотонностью....

Кустодиевская русская провинция предостерегает нас от возможной беды: забыть о ней, не видеть её, думать, что она мираж или приснилась. Вот несчастье: жить, быть здесь и не замечать красоты, дарованной человеку, оставленной ему в наследство. Не замечать радуги бытия”.

Удивительно, как Дедков, москвич, горожанин, близко к сердцу принимал бедность и неустроенность деревенской жизни, трагические судьбы жителей русской глубинки. Слово письменное не расходилось у него с устным, произносимым в узком дружеском кругу, а то и другое – с поступками. В газетной работе ему удавалось преодолевать рутину, и слово его приобретало живой характер. Постепенно костромичи узнали и полюбили журналиста Игоря Дедкова, оценили его искреннее, человеческое, живое слово: “Дневник. 6.5.62. Ещё меня утешает то, что читатели в анкетах пишут обо мне добрые слова. Ни о ком другом не пишут. Но это обстоятельство стараются не замечать. Бог с ними”. Чувство своей нужности, не только самым близким людям, но и своим землякам и далёким читателям, которых с годами становилось всё больше, приносило радость. А он всеми силами души стремился быть нужным, быть востребованным. И как много душевных сил уходило на то, чтобы не быть “затасованным жизнью”, устоять, сохранить нравственный стержень. Дедков не желал становиться “лишним” человеком. “20.1.60. Иногда я верю, что такие люди, как я, ещё понадобятся Родине...” И несколько лет спустя – с горечью: “6.4.70. Такие люди, как мы, видимо, не нужны нынешним регулировщикам русской жизни.

Спрос на послушных, на поддакивающих, остальные – опасны”.

Но живое слово костромского журналиста не оставалось незамеченным, пробиваясь иногда самым неожиданным образом. 30 апреля 1970 года на страницах “Северной правды” была напечатана его статья о фильме С. Герасимова “У озера”. В дневнике Игорь Александрович рассказывает историю её появления: “Статья о фильме “У озера”, может быть, одна из лучших моих подобных газетных рецензий. Редактор произвёл правку – грубую, бесцеремонную, какой я уже не знал лет пять-шесть. Любопытно, что правлены места, в которых правящие чиновники чувствуют укор себе и выпады против себя... Это правка с позиций не коммуниста, а функционера правящей привилегированной группы...” После этого И. Дедков снял свою подпись, публикация прошла под псевдонимом Д. Ивлев. Вскоре в редакцию “Северной правды” пришло письмо от С. А. Герасимова: “Уважаемый и дорогой т. Ивлев! ... Среди вырезок, какие присылает мне “Союзпечать”, попалась мне и ваша рецензия. И тут я получил редкое удовольствие. И не только потому, что статья хвалебная. Но хвалить-то можно по-разному! Иной раз так похвалят, что только руками раскинешь, т. е. отнюдь не за то, что ты имел в виду. Здесь мало того, что всё понято, но ещё и то, как об этом сказано. Спасибо сердечное. С пожеланиями наилучшего здоровья. Ваш Сергей Герасимов”. И это пишет знаменитый режиссёр, автор легендарных лент “Семеро смелых”, “Молодая гвардия”, “Тихий Дон”, неизвестному провинциальному журналисту.

В Костроме вокруг Игоря и Тамары Дедковых образуется круг друзей, духовно родственных их семье. Историк и краевед Виктор Бочков, долгие годы работавший в Щелькове, его жена Лариса, художники Алексей Козлов, Татьяна и Николай Шуваловы, филологи Николай Скатов, Михаил Пьяных, Вера и Юрий Лебедевы, поэт Владимир Леонович, сотрудники костромского художественного музея, работники областной библиотеки, которая буквально стала для Игоря Александровича вторым домом. Много позже, в начале 90-х он вспоминал это время: “Кострома 60-х была бедна, да и мы небогаты. Надо было купить Мережковского, он лежит в букинистическом свободно – а на что?... Кострома бедна и сегодня, как многие приволжские города, и обилие торгашей отнюдь не прибавляет ей богатства... Старое небо, старая русская земля, вечная российская нужда. Одно отличало нас, давнишних, от нынешних молодых заметнее прочего: мы мало заботились о внешнем – одежде,

прическе, вещах. Смена мод трогала нас мало. Я не помню, какие рубашки, пиджаки, пальто, краюю обувь носили мои друзья, я вообще не помню их вещей. Я помню и храню их голоса, выражение глаз, песни, которые пели за столом, — никогда на кухне, никогда не сидели на кухнях. Я помню книги, которые брали в библиотеке и потом о них говорили: Ремизова, Ходасевича, Бердяева, Булгакова, Эрн, Розанова, “Вехи”, “Несвоевременные мысли” Горького... (Неправда, что это и многое другое было абсолютно недоступно...) Я не помню только вещей и разговоров о деньгах, потому что ни то, ни другое не было всезахватывающей самоцелью.

Я не могу представить, чтобы что-то подобное нынешнему торжествующему экономическому измерению жизни подчинило нас себе. Чтобы оно беспардонно возвысилось над духовными и нравственными интересами, над тем идеализмом, который напоминал нам, что “долг русский долг”, как писал В. Леонович...”

В 60-е годы определилось и главное направление его интересов — театр, кино и особенно литература. С этого времени его рецензии, статьи, обзоры появляются в центральных газетах и журналах. “Думать о литературе и через неё — о жизни, истории, нашем времени... Думать о жизни и через неё — о путях литературы и судьбах художника...” — так видел задачи литературной критики И. А. Дедков.

“...Как неизбежно и существенно меняется самый характер и направленность взгляда, когда жизнь, в которую тыходишь и к которой идёшь со своими нуждами и заботами, вдруг приоткрывается тебе в её собственных заботах и нуждах, когда она хотя бы отчасти обнаруживает перед тобой свою внутреннюю многомерность” (Из статьи о Ф. Абрамове). И в книгах своих современников, о которых писал И. Дедков, он ценит эту внутреннюю многомерность жизни, её “упрямое копошение”. Уважает искренность и честность писателя, не приемлет следования надуманным схемам и аморфности нравственной позиции: “Вопрос не в том, “чернить” или “воспевать”. Куда труднее войти “внутрь”, увидеть жизнь из глубины её собственного течения...” Эта определённая нравственной и эстетической позиции была характерна для критика на протяжении всей его творческой жизни.

В 70–80-е годы Игорь Дедков, живя в Костроме, становится одним из ведущих литературных критиков, печатается в “Нашем современнике”, в “Новом мире”, в “Дружбе народов”, в “Литературной газете” и других авторитетных изданиях, выходят его книги. Широкая известность началась для него с критической статьи “Страницы деревенской жизни”, опубликованной в журнале “Новый мир” (1969, № 3) в последний год редакторства А. Т. Твардовского. Эта работа о повести В. Белова “Привычное дело” и других произведениях так называемой “деревенской прозы” обдумывалась и вынашивалась долго: “Дневник. 17.5.67. Надо подумать об Иване Африкановиче и его Катерине. До слёз трогательно и горько. И не хочу писать про критику, которая сказала всё неправильно, фальшиво, равнодушно, по-барски. Иван Африканович — тип горестный...”

И название статьи, и её тема, и равнодушный разговор о жизни русской глубинки, о героях Василия Белова характерны для Игоря Дедкова. Он не говорил высоких слов о любви к Родине, вообще не любил высокие слова. Но всё им написанное буквально пронизано чувством любви к родной земле, тревогой и болью за её настоящее и будущее, раздумьями о судьбах людей, на этой земле живущих. “Родина никогда не казалась мне безобразной, она, как дом, где всё родное — и бедное, и неказистое, и обтрёпанное”, — из дневниковых записей последних лет. А в одной из своих ранних статей он пишет: “Живое чувство Дома, Родины помогает противостоять космополитической унификации человека, стандартизации личности, оглушающему напору моды, магнетизму потребительского идеала... Есть тесный круг провинции, приближающий людей друг к другу и позволяющий рассмотреть и запомнить лица, и задуматься, и порадоваться, и загоревать”, и “тогда становится виднее, кто чего стоит и что значит”. Думается, это живое чувство дома, Родины, ощущение настоящей жизни, которое принёс в своё творчество И. Дедков, дала ему Кострома.

Он и писал о творчестве тех, в чьих книгах видел верность живой, подлинной, непридуманной жизни: о прозе Фёдора Абрамова, Василия Шукшина, Евгения Носова, Виталия Сёмина, Валентина Распутина, Юрия Трифоно-

ва, Василя Быкова, о книгах писателей-костромичей. Его влекла литература, свидетельствующая о реальной действительности во всей её сложности и противоречивости. Могут сказать, что это ещё не говорит о высоком художественном достоинстве литературного произведения. “Всё так, но без верности жизни – какая литература? – спрашивает Дедков. – Перечитайте Фёдора Абрамова – как много вместило жизни! В романах, повестях, рассказах, очерках, статьях – повсюду... Трава-мурава человеческих судеб, поле человеческой жизни”. В статье “О живой, невыдуманной России”, посвящённой творчеству писателя, И. Дедков отмечает, что тот всегда “искал пути к тому, чтобы слово вмещало жизнь, не упрощая, не лукавя, не прожектерствуя. Это не какой-нибудь витринный вариант жизни, не выставочный её макет, а та самая жизнь, что “течёт”, “растёт”, “обновляется”, “болеет”, “выздоровливает”, “набирается ума”: она – живая... Живая народная жизнь”. Почему хочется это повторять сегодня? Да потому, что до обидного мало в нашей сегодняшней литературе этой *живой жизни*.

И ещё об одном как-то напрочь забыла наша литература – о рабочих, о том, что на них только и держится жизнь. Об этом крепко помнили и Шукшин, и Семин, и Носов, и Белов, и Распутин. И Дедков, конечно, об этом тоже не понаслышке знал. “Может быть, во всей нашей “деревенской прозе” не найдётся столько картин крестьянской работы, сколько их у Абрамова. Это мир, где в чести рабочие. С первой до последней абрамовской страницы это так. Писателя волновали и влекли трудные варианты человеческой жизни, люди, на которых держится мир. Не говоруны, не летуны, не лентяи – вечные труженики... Жизнь человека у Абрамова не делится собственно на жизнь и на работу: руки его героев ищут дела, душа не переносит праздности, не знает покоя... В этом мире нет естественнее и необходимее формы жизни, чем труд”.

Отвечая на вопрос, на ком земля наша держится, деревенский философ Евсей Мошкин, один из героев романа “Дом”, скажет: “И на Михаиле держится, и на Лизавете держится”. “Словом, на Пряслиных держится, – пишет критик. – Во всяком случае, с них Евсей Мошкин начинает свой счёт праведников...”

– Не дреянть же она держится! – как вырвалось однажды у Н. С. Лескова” (И. Дедков, “О живой, невыдуманной России”).

Игорь Александрович и сам был великим тружеником. За годы работы в Костроме опубликовано более четырехсот статей только в “Северной правде”, не считая чисто редакционной работы – чтения и рецензирования многочисленных рукописей, обсуждения их с авторами, переписки с читателями и теми, кто присылал свои заметки в газету. Он вёл семинары и читал лекции в Костромском педагогическом институте, семинары журналистов – он долгие годы возглавлял областную журналистскую организацию, руководил литобъединением “Молодые голоса” при редакции молодежной газеты, выступал с обзорами новинок художественной литературы в самых разных аудиториях. А ведь в это же время писались его главные статьи и книги. Недаром именно костромичи хранят о нём особенно благодарную память. С какой любовью и теплотой пишут об Игоре Дедкове Альбина Чернявская, Николай Муренин, Светлана Степанова, Александр Бугров, Владимир Старателев, Виктор Травкин в сборнике воспоминаний “Наше живое время”, изданном в Московском университете в 2013 году (составитель Т. Ф. Дедкова)!

Литературный критик И. Дедков осмыслил, пропустив через своё восприятие, тот поток жизненного материала, который вынесла на поверхность лучшая отечественная литература 60–80-х годов. В своих симпатиях и пристрастиях он был наследником истинно демократических традиций русской литературы XIX века. Любимые писатели – Гоголь, Толстой, Чехов, Короленко. С Дедковым можно не соглашаться, спорить – он и сам с собой ранним не всегда соглашается, но в главном остаётся верен себе. Он принципиально отвергал деление на партии, группы и кланы, избегал по возможности партийных и клубных сборищ, не любил всякие околотературные “тусовки”. Естественно, это не упрощало жизнь, но делало критику критикой, а литературу литературой. В июле 1986 года редактором “Нового мира” стал Сергей Залыгин, о творчестве которого Игорь Александрович не раз писал. Он предложил Дедкову место своего заместителя. Это была очень привлекательная для него работа. Но в том же месяце в журнале “Вопросы литературы” вышла статья критика “Перед зеркалом, или Страдания немолодого героя” – о новом

романе Ю. Бондарева “Игра”, где в адрес автора было высказано немало справедливых претензий. В дневнике Дедков пишет: “Сейчас, после публикации в “Вопр. лит.” антибондаревской статьи против меня поднимется высокая и тёмная критическая волна, и не дай Бог Бондареву прослышать о намерениях Залыгина!.. (Залыгин и Бондарев принадлежат к одной литературной партии). Что ж, будет видно: хорошая статья дороже хорошей должности. Если Залыгин поддастся, то значит, есть силы посильнее разных там принципов и добрых намерений”. Так и вышло: и высокая критическая волна поднялась, и назначение И. Дедкова в “Новый мир” не состоялось.

В 1975 году И. А. Дедкова приняли в Союз писателей России, а в 1976-м, будучи уже заместителем главного редактора “Северной правды”, он ушёл из газеты и занялся в основном критической работой. Игорь Александрович не был кабинетным человеком: охотно встречался с читателями, выступал в областной библиотеке, где его очень любили и всегда встречали с радостью, вёл семинар по современной прозе в Костромском педагогическом институте, бывал на спектаклях Костромского драматического театра, писал о них. Был страстным болельщиком, сам с увлечением играл в футбол.

В 70–90-е годы вышли его книги о Сергее Залыгине, Василе Быкове, сборники литературно-критических статей и очерков, публицистика. И множество критических статей в самых разных толстых журналах: “Честность памяти” (о романе В. Сёмина “Нагрудный знак OST”), “Продлённый свет” (о творчестве В. Распутина), “И до конца дней своих...” (о творчестве К. Воробьёва), “Вертикали Юрия Трифонова”, “Пядь ржевской земли” (о повестях и рассказах В. Кондратьева), “Когда рассеялся лирический туман... О “московской прозе”, “Надёжные берега. Проза Евгения Носова”, “В поле две воли... Проза Гавриила Троепольского”, “О провинции с признательностью”...

Нередко авторы откликались на его критику, завязывалась переписка, а иногда и дружеские отношения – с Владимиром Богомоловым, Виталием Сёминым, Василём Быковым, Борисом Можаявым. Прочитав рецензию критика на свой роман “В августе сорок четвёртого”, В. Богомолов пишет ему: “Признаюсь, что, когда прочитал Вашу статью в журнале, был убеждён, что Вы – участник войны. С таким пониманием обстановки, обстоятельств и характеров это было написано”. Из письма В. Сёмина: “Возможно, о “Нагрудном знаке OST” ещё напишут, но лучшая рецензия уже опубликована – Ваша. Самое дорогое – не в зеркале я увидел свой роман. Ощутил, что он заинтересовал значительного человека”. В ответ на выход книги И. Дедкова “Василь Быков. Очерк творчества” (М. 1980) автор пишет критику: “Дорогой Игорь Александрович, спасибо Вам. И за внимание, и за книгу, за ваш честный ум и горячее сердце...”

Многие из работ критика были остро дискуссионными, вызывали живую полемику. Особенно жаркие споры разгорелись вокруг статьи “Когда рассеялся лирический туман...” (“Литературное обозрение”, 1981, № 8) – о повестях и романах В. Маканина, Р. Киреева, А. Кима, А. Курчаткина и других писателей, кого относили к “московской школе прозы”. Сегодня можно сказать, что, наверное, критик не во всём был прав – и Маканин, и Киреев, и Ким, безусловно, талантливые писатели (этого, кстати, и автор статьи не отрицает!). Что же не устраивало И. Дедкова в книгах этих писателей? Poleмицируя с предыдущими критическими высказываниями в адрес авторов, где утверждалось, что в их книгах “осуществлен эксперимент и подготовлена почва для создания литературы новых качеств, нового времени”, “прорывы в высочайшие духовные сферы, в искусство светлое и просторное”, критик, отмечая зоркость и беспощадность художественного зрения авторов, говорит о том, что “мелкоскопическое” зрение их героев чаще всего обращено на слабое и незащищённое – стариков, женщин, детей, – лишено любви и боли. “Зоркость без сострадания”. Таких героев позже назвали “амбивалентными”. Дедков не принимал их равнодушия к чужой жизни, отсутствия интереса к другой правде, самооправдания, неразличения добра и зла. “Не мелочам жизни” они поддаются, – пишет он, – а “мелкому и корыстному в самих себе”.

“Мироощущение этих героев, их поведение лишены сколько-нибудь сильной доминанты, с которой была бы сообразована их жизнь. Ничто... не занимает их всерьёз. В небе над ними нет звёзд, да и есть ли небо?... Это мир с какой-то неясной иерархией человеческих ценностей. Какой-то карточный домик. Тебя приучают, что это в порядке вещей. Тебе говорят, что это-то

и есть современный реальный мир без старомодных сентиментальных иллюзий... и пора бы к нему привыкнуть, а не шарахаться от его честных изображений". Игорь Дедков считал, что "мир всё-таки не таков". Но попал он, как говорится, в самую точку: приучили — и жить без сентиментальных иллюзий, и не только без иерархии, но и вообще без всяких человеческих ценностей... Словом, "амбивалентный" герой, не различающий добра и зла, — это герой нашего времени.

Владимир Бондаренко, совсем недавно опубликовавший в "Дне литературы" работу "50 критиков XX века", пишет о Дедкове: "В начале восьмидесятых годов он был ведущим критиком нашего времени... Прозу "сорокалетних" ("московская школа прозы") он не принял за их амбивалентность, за отклонение от чистой веры. И по-своему был прав. Поколение "сорокалетних" и сформировало всю перестройку".

Не устраивала критика в прозе "сорокалетних" и аморфность, неопределённость авторской позиции. С точки зрения сегодняшней литературы и критики "ясность" авторского взгляда на изображаемое — вообще чуть ли не порок. По словам одного из современных исследователей литературы, требование "ясности" носит упрощающий, консервативный характер. И. Дедков предпочитал быть консерватором. Возражая оппонентам, он приводит слова своего любимого Толстого: "Цельность художественного произведения заключается не в единстве замысла, не в обработке действующих лиц и т. п., а в ясности и определённости того отношения самого автора к жизни, которое пронизывает всё произведение".

...А мог бы он по-другому устроиться в жизни? Благополучнее, комфортнее, денежнее, в конце концов? Сделать карьеру? Конечно, мог бы, если бы захотел. Вот в этом "захотел" и весь вопрос. Приглашали. И на работу в обком партии, в отдел агитации и пропаганды, и в газету "Правда" (даже прописку и квартиру в Москве обещали), предлагали направить на учёбу в Академию общественных наук при ЦК КПСС. Надо знать Дедкова, чтобы понять, почему он отказывался, — не хотел терять свободу критического высказывания, право писать то, что думаешь. Не даром даётся такое право, и многим за него приходится платить. Рядовому читателю, искренне ценившему его талант и с живым интересом встречавшему каждую новую его статью, вряд ли это было известно. Коллеги по литературному цеху это понимали. Вот только два отклика на появление в печати его статьи "Когда рассеялся лирический туман...":

"Дорогой Игорь Александрович!.. Прочитал в "Литобозе" вашу статью о литературе "московской школы" и не могу не поделиться своим читательским восторгом. Очень обстоятельно, верно и честно!.. Тем более это замечательно, что за последние много лет такая статья впервые. Я не представляю себе, как журнал решился и что теперь будет. Автору тоже. Вы человек мужественный, это давно известно, но тут потребовалось мужество особого рода. Ведь столько теперь обрушится на Вас. Поэтому — стойкости Вам и силы! Обнимаю Вас с любовью и восхищением. В. Быков".

"Дорогой Игорь Александрович!.. В Пицунде, в Доме творчества, с наслаждением прочитал Вашу последнюю статью в "Литобозе", там она ходила по рукам, выстроилась очередь. Как спокойно и оглушительно в то же время Вы объяснили всю нынешнюю литературу "сорокалетних" нравственников-интеллектуалов. Давно не читал такого прямого и ясного, неотразимого по своей доказательности, печального размышления о значительной (по объёму хотя бы) части нашей литературы, мнящей себя настоящей литературой.

...Нравится мне ещё и нравственно чистый тон Ваших статей, незамутнённых какими-либо предвзятостями" (из письма А. И. Кондратовича, соратника А. Т. Твардовского по "Новому миру").

Жизнь была до краёв заполнена любимой работой, росли известность, авторитет у коллег и читателей. В 1980 году И. А. Дедков стал лауреатом премии Союза писателей СССР за критические статьи и книгу "Василь Быков", в 1984 году он был награждён орденом "Знак Почёта". Игорь Александрович часто бывал в Москве на пленумах Союза писателей, творческих семинарах молодых авторов, в редакциях газет и журналов, в издательствах, где выходили его книги. Нужно сказать, что по поводу московских литературных нравов он никогда особых иллюзий не питал: "12.08.78. Из Москвы хорошо возвращаться: там чужое мне, разговорный жанр, значительность, тщеславная борьба, литературное чинопочитание, подогреваемый беспрестанно антисе-

митизм и просто толчея. Всё это я переносу тяжело и, разговаривая, чувствую, что не могу быть искренним...” Он был согласен с А. И. Кондратовичем, который писал ему после прочтения его книги “Во все концы дорога далека”: “И Вы напрасно извиняетесь... что я, столичный житель, обижусь за столицу. А чего за неё обижаться? Увы, среди творческой столичной интеллигенции такая дремучая в плохом смысле провинция, да ещё с чиновностью, важностью, “столичностью”, что гордиться и заноситься нечем. Да и литература, Вы правы в своей статье, настоящая делается сейчас не в Москве... Литература там, где души живые и думающие... А вот тот простейший факт, что ещё лет 20–30 назад всё стекалось и узурпировалось столицей, а сейчас, выкуси-ка, и в Вологде, и в Красноярске, и в Воронеже, и в иных местах – настоящая делается литература – вот это уже факт несомненный”.

Однако в 1987 году Игорь Александрович всё же переехал в Москву (основную роль здесь сыграли семейные обстоятельства: в Москве были сыновья, да и постаревшим родителям нужна была постоянная помощь), но не на работу в “Новый мир”, куда ему хотелось, а в журнал “Коммунист” – политическим обозревателем по вопросам культуры и литературы. Обещали жильё и прописку, но около года семья и дом – в Костроме, “долгая история с получением квартиры, бессчётные поездки домой, в Кострому, и обратно”, и никакой удовлетворённости, никакого душевного покоя. Даже записи в дневнике очень редки: “4.11.87. Эта Москва тяжела, будто хожу в чём-то тяжёлом на ногах, и всё зависаю, теснюсь в какой-то густой массе...”

...Что за жизнь! Здешняя суета, вздор, какая-то рассредоточенность – и милый, исчезнувший покой дома...

Жизнь, остановись! – надо было орать тогда, когда мы были все вместе, ну, хотя бы втроём, как в последние годы.

Что эта Москва, мельтешение, подчинение, включение – зачем?!

Жалею, видит Бог, жалею, горюю, устал”.

А вокруг уже полным ходом шла “перестройка”. Всё уже непоправимо менялось, но насколько непоправимо, мы поняли позже. Поначалу даже радовались: казалось, каким-то свежим ветром подул. Помните – голос Виктора Цоя с экрана: “Перемен, мы ждём перемен!”. Игорю Дедкову летом 87-го эти перемены тоже казались благими, воскресала надежда на социализм не только с человеческим, но и с умным лицом. Он записывает в дневнике: “Теперь свобода, особенно если сравнить с тем, что было. А разве не идея свободы жила в душах моих друзей в далёкие костромские 60-е? И в 70-е – разве мы её предали?”

Мы-то дожили, но отчего радость, которая перехватывает горло, всё чаще меркнет и подступает тревога? Или не та свобода? Или тревога напрасна?”

Ему, человеку умному и честному, – прежде всего, перед собой – не дано было обманываться: все гримасы наступающего “прекрасного нового мира” он разглядел довольно рано. Дневник, 24 марта 1986 года, Кострома: “Скоро месяц, как состоялся Двадцать седьмой съезд партии... Съезд ещё шёл, а им восхищались сами делегаты по радио и на телевидении... Словом, пора от иллюзий избавиться окончательно: чудес не бывает; многие актёры заменены, проворовавшие изгнаны, но труппа та же, и школа – та же, и пьеса, в сущности, старая. А главное, по-прежнему партия, её руководящий аппарат, именно аппарат воспринимает себя как некий патронат, как благодетелей, а от всех прочих ждут послушания, подчинения, участия в намеченных работах и мероприятиях: истина принадлежит им, и это необходимо затвердить”.

Журнал “Коммунист” (с января 1991 года – “Свободная мысль”) был печатным органом ЦК КПСС, от Политбюро его курировал А. Н. Яковлев. В редакции журнала в те годы работали С. В. Колесников, Наиль Биккенин, Отто Лацис, Егор Гайдар. Редколлегия журнала вместе с аппаратом ЦК поручалась самая ответственная работа: подготовка докладов, выработка проектов решений на самом высоком политическом уровне. Казалось бы, кому, как не Игорю Дедкову, лидеру студенческой молодежи 50-х, человеку неравнодушному, мыслящему, окунуться в политику с головой. Тем более определённые надежды на горбачёвскую перестройку у него были, и те, кто входил тогда в редакцию журнала, казались ему единомышленниками. Однако записи в дневнике говорят о другом: “Вот уже семь месяцев, как я живу нежеланной жизнью. Если б я решал только за себя и о себе думал, я бы никогда этого не сделал. Сидел бы на месте, в Костроме... Политика, мне бы тридцать лет назад в те-

бя кинуться”. “Восемь месяцев московской жизни. Я бы отступил, да куда?”

А главное, он видит и чувствует, что от “живой жизни”, от нужд реальных людей всё это далеко, всё чужое, казённое, ненавистное ему *аппаратное*. Да и сам Дедков — уже не тот наивный, искренний и безрассудный юноша, который в 50-х рванул на помощь желанному обновлению жизни. Он закончил “университеты русской провинции”, знает “живую, невыдуманную Россию” с её бедами и тревогами и болеет за неё. “29.3.88. И вырваться хочу отсюда, вырваться, всё одно: их аппаратный слог и склад ума мне не освоить, они мне чужие...” Однажды, выступая на “круглом столе” в журнале “Коммунист” (обсуждали проблемы здравоохранения), известный врач-офтальмолог С. Н. Фёдоров сказал о 50 тыс. долларов, на которые он будет производить закупки оборудования. А присутствовавшая там же женщина-врач из районной больницы воскликнула: “А у нас и 50 рублей нет, чтобы купить необходимое!”

И появляется в дневнике такая запись: “Тот о тысячах долларов (не дают), а она — о пятидесяти рублях (не дают), и посреди разговора... меня вдруг кольнуло, и здесь, в роскошной этой столовой, среди сытых и чинных людей, я с горьким сожалением почувствовал правоту и недоступность, и упущенность конкретной жизни. В какую-то долю мгновения я увидел крыльцо тёмного от времени деревянного большого строения, женщину, наскоро сметающую снег с валенок, услышал её бодрый голос: “Ну, как тут мои больные?”

Никогда я так не ощущал многоэтажности, многослойности жизни, как в эти дни. Отвлечённость живёт за счёт конкретности. Плавание в разных водах”.

Костромская жизнь Игоря Дедкова отнюдь не была идиллией, но последние годы в Москве стали подлинной драмой. Не только для него — для всей страны. Впрочем, он никогда себя от страны и не отделял. Об этом свидетельствуют искренние до самозабвения, полные боли и горечи дневниковые записи последних лет. В эти годы отношение Игоря Дедкова к его бывшим единомышленникам (В. Оскоцкому, Ю. Карякину, Ю. Черниченко, А. Стреляному) резко меняется.

Ровесник И. Дедкова критик Лев Аннинский пишет о нём: “Дедков, кажется, единственный (или один из очень немногих), кто честно и прямо, громко и ясно сказал: мы НЕ ЭТОГО хотели! ЭТОЙ пошлости, ЭТОГО рекламно-денежного перепляса, ЭТИХ кровавых разборок мы не хотели, и никакая приверженность демократии не заставит нас, “нормальных, естественных” шестидесятников, закрыть глаза на происходящие мерзости”.

Кстати, почему у нас слово “шестидесятники” стало прямо-таки ругательным? Только потому, что оно связывается с определённой группой людей — Евтушенко, Вознесенский, Окуджава, М. Чудакова?... Но ведь люди, чья молодость пришлась на 60-е, были очень разными — по взглядам, по убеждениям, по отношению к жизни. И Лев Аннинский, и Андрей Тарковский, и Игорь Дедков, и Николай Губенко, и Игорь Золотусский, и Станислав Куняев — шестидесятники. А их к одному ряду никак не подверстаешь.

“1989 г<од>. Я никого не осуждаю и вовсе не предлагаю героям дня заполнить анкету или рассказать о своей прошлой жизни, но когда стоишь на Манежной площади в толпе митинга и слышишь, как расклёвывают — ораторы и подхватывающее их лозунги сгрудившееся у трибуны живое множество голов — как расклёвывают семьдесят лет жизни многих поколений, то...

Жили, жили и дожили”.

“13.12.91. Политическое колесо буксует — летит грязь в наши лица. Они хотят, чтобы огромная часть народа вывернулась наизнанку. Жили так — теперь живите, как мы решили.

Кругом — марш!

Иногда так отвратительно — понимаешь, почему уходят люди. На таких условиях — не хотят жить”.

“15.12.91. О политике, о новом абсурде писать не хочется. Кажется, все иллюзии рушатся безвозвратно, Побеждает сила, которую невозможно приветствовать”.

“29.3.92. Господи, помоги всем нам это перенести и выжить — не о журнале думаю сей момент — о нашей семье, о нас всех, о жизни, подвергаемой новой опале и испытаниям”.

Отнюдь не обманываясь громкими демократическими лозунгами, Игорь Дедков с тревогой подмечает опасные тенденции в обществе, когда “политическая ставка сделана не на лучшие, а на худшие качества человека”: “Теперь

первой общественной и человеческой ценностью объявлена способность к личному обогащению, и этой целью освящены все методы и пути её достижения”. В одной из лучших своих статей того времени “Иллюзия чистого листа” (1993) он с горечью пишет об извечной русской традиции начинать жизнь “как бы с чистого листа”, ломать её через колено. Теоретики новой революции и тотальных шоковых реформ словно напрочь выкинули из головы то, что “пришлось когда-то проповедовать, приказывать-выполнять-внедрять”, важно, “что теперь говоришь и делаешь, верно ли сориентировался, тем ли новым богам бьешь поклоны”. “Они громогласно сомневаются в том, что отвергаемое и гонимое ими вообще смеет или когда-нибудь смело называться действительной человеческой жизнью. На этом сомнении-убеждении основывают они своё право разрушать и строить заново, не очень-то церемонясь в обращении с материалом, увы, живым и потому недостаточно прочным.

Разумеется, если признать жизнь каких-то сословий или целых поколений неполноценной, то это облегчает задачу и совесть... Хотелся клеймить, изгонять, преследовать, улюлюкать, насмехаться и унижать... Всего лишь немного беспамятства, ещё немного...”

“Некогда в нашей стране демократы, как нас учили в ныне презираемой советской школе, выражали интересы трудящегося и бесправного большинства народа. Как выяснилось, это был их коренной недостаток и даже порок. Оглянитесь: по всей кремнистой российской дороге – помеченные свежими крестами виновники наших семидесятипятiletних бед, и не с Александра ли Радищева начинается этот гнусный злоумышленный ряд?

А виноваты эти наши соотечественники в том, что были чересчур впечатлительны. Излишне чувствительны. И душа их понапрасну была уязвлена чужими страданиями. И ещё виноваты, что надеялись изменить мир к лучшему, увлекались, были нетерпеливы, обманывались, не жалели себя, а иногда и других. Виноваты, что вообще жили”.

А как быть с прежней жизнью, хотя для всех этих теоретиков-закоперщиков это и не жизнь, а “как бы” жизнь? Неужели как со старым костюмом: купил новый, переделался, а старый – в мусорный бак? Для Дедкова, как и для любого порядочного, ответственного человека, это невозможно. Ведь жизнь эта “состояла из судеб сотен миллионов людей, из их коротких земных сроков, из долгих лет труда и злоключений, из бесконечных усилий обрести достойное существование...”

Теперь этим миллионам людей, наследникам других ушедших и выбитых миллионов, сказано, что все их былые усилия, их труд, их самоотверженность, их пот и кровь, обеспечившие мощь этого великого государства, как бы не в счёт, и всё, совершённое ими, ничего не стоит. Им предлагается жить дальше на новых принципах: каждый за себя, и никакие не идеи, не идеалы, не прочая высокоморальная чушь, а деньги и только деньги – двигатель жизни. Можно перелицевать государство, и, перелицованное, оно спокойно умоет руки, но как перелицевать людей, чтобы они, в свою очередь, умыли руки? И потом посматривали бы спокойно в тревожные, спрашивающие глаза детей, внуков, стариков-родителей и умывали бы, умывали...”

“Теоретическая пила хорошо перепиливает и мёртвое, и живое, ей всё равно, пока не налетает на гвоздь. Люди не гвозди, но в них, в их коротких и незащищённых жизнях, в их памяти и душах – вся загвоздка. “Не чувствуешь любви к людям – сиди смирно, – думал толстовский Нехлюдов, – занимайся собой, вещами, но только не людьми”.

До таких ли тонкостей было этим “эффективным менеджерам”, тогдашним регулировщикам народной жизни? “Теперь я вроде попадаю в консерваторы, – дивится Игорь Александрович в дневнике. – Зато остальные, надо полагать, молодцы и прогрессисты. Эти марионетки, эти проснувшиеся, прекрасно приспособленные господа... И тот же Валя Оскоцкий, тот же Черниченко, Андрей Нуйкин... Я так не могу”. Особенно отвратительно было наблюдать удивительные метаморфозы с людьми, смирёнохонько пересидевшими эпоху застоя (порой на весьма высоких должностях), а теперь исполнившимися самого революционного духа: “несутся, размахивая сабельками, те же самые, что были на плаву и прежде... Только вчера они строили коммунизм, теперь принялись строить капитализм”.

“От того, что знал Гайдара, работал с ним, то есть близко наблюдал, всё предприятие, во главе которого он поставлен, кажется мне какой-то умствен-

ной, теоретической затеей: вот приняли на редколлегии его, гайдарову, статью, и теперь вот печатаем, да не в журнале, а – по живому впечатываем в тело, плоть России”,

“Как мы выберемся из этого грязного омута?”

Ельцин потрясает сжатым кулаком! К какой борьбе он зовёт? К борьбе за то, чтобы толпа рабочих, стоящая перед ним, перешла в услужение какому-нибудь невесте откуда взывшемуся заводчику? Чтобы её лишили бесплатного здравоохранения и образования?”

В отличие от многих и многих, легко перекусившихся, спокойно и неожиданно поменявших свои убеждения, Игорь Дедков строго судит и себя, казалось бы, вовсе невинного в разгулявшейся смуте, и своих бывших друзей-единомышленников:

“16.5.92. Лицо растолстевшего Г.

Я с удивлением смотрю на это лицо.

В подготовке чего я всё-таки косвенно соучаствовал, сидя за большим овальным столом нашей редакции?”

“Когда-нибудь я напишу, что думаю о них о всех – Гайдарах, Бурбулисах, Ельциных и прочих, кто вознёсся или присоединился...”

“8.6.92. Из абсурда в абсурд – вот эволюция нашего Отечества за последние год-два. Могучий демократический интеллигентский хор наконец-то смолкает. Осанна демократии кончилась, оглянулись: где она?”

“9.6.92. Поражённо смотрю я на многих нынешних деятелей демократии; они прозрели в пятьдесят пять, в шестьдесят лет, и я мысленно спрашиваю их: а где были ваши геройские головы раньше? Или вы не прозревали потому, что вам и так было вполне хорошо, и вы немало делали для того, чтобы соответствовать правилам жизни, которые резвее всех проклинаете?”

“21.6.92. ...Ельцин в последнее время предстал во всей красе: его обличения коммунистического идола (в американской речи перед Конгрессом), заверения, что он мёртв, были отвратительны и по сути, и по языку, и по интонации, и по мимике. Боже, мне лень воспроизводить общедоступные и самоочевидные доводы против этого энтузиазма предателя, против этого героического речитатива политического оборотня и пошляка. На языке улицы ему следовало получить что-нибудь вроде: “Чья бы корова мычала, а твоя бы молчала”.

Какую такую новую литературу, какие такие новые документы прочёл тот же Александр Николаевич Яковлев, чтобы прозревать столь поспешно, как он это сделал в конце прошлого года? Заметил ли он, что стал похож на Ельцина, т. е. на примитивного борца против коммунизма, снабжённого текстами не самых одарённых помощников? (...Я в таких делах не участник, и не ум, не логика меня не пускают, а элементарное чувство, предостерегающее против чего-то грязного, непорядочного”).

Ему физически трудно писать, как будто преодолевая сопротивление клавиш машинки. Или что-то в состоянии духа, почти отчаявшегося: “Человек так мал, так утл, но как много всего впитывает он за свою жизнь и всё это несёт в себе и несёт, и это какой-то непостижимо огромный пласт жизни, которую непередаваемо жаль, и кажется недопустимым, чтобы ушло вместе с человеком, словно не было никогда”.

“27.6.92. ...И отчаянные бывают мгновения, когда... Словно жизнь уже кончилась. Родина никогда не казалась мне безобразной, она, как дом, где все родное – и бедное, и неказистое, и обтрепанное. Тяжело от другого – от нового насилия над людьми”.

“27.12.92. Наверное, я все-таки коммунист, и не в смысле принадлежности к партии, а по своим чувствам, по тому, что считаю справедливым и подлинно человеческим.

И ещё мне противно, что нашу страну, её великую культуру, её живой несломленный дух “подвёрстывают” под американские мерки, американские стандарты. Моё неприятие происходящего никогда не было столь тотальным”.

Последние записи в дневнике читать нелегко... В июле 1993 года Игорь Александрович попадает в Кунцевскую больницу, диагноз оставляет мало надежды на выздоровление. Последние месяцы он писал в больничной палате и во время редких отлучек домой между сеансами химиотерапии. Но в дневнике – прежний Дедков, остро мыслящий, равнодушный... Когда уже знаешь, что жить ему осталось меньше полутора лет, эти записи воспринимают-

ся по-особому. Они исполнены какого-то мужественного благородства. В рецензии на его “Дневник” Ольга Смирнова пишет: “Зритель трагедии ничего не может изменить — может лишь укрепиться духом, пережив её вместе с героем” (журнал “Наше наследие”).

“29.7.93. Друг друга спрашивают: ты верующий, веришь, крещён? И часто так всё ясно: крещён, я православный, верующий...”

А когда читаешь Евангелие, понятней некуда сказано: живёшь по заповедям — значит, веруешь, подчиняешься Божьему закону”.

“30.7.93. Сказать, что разум начинает сдавать тотчас, как получает неприятное известие, нельзя. Но характер, конечно, становится виднее. За своим характером я нового не заметил...”

Что-то вроде этого вытаскивалось в полубессоннице: не суди, не умничай, не сравнивай, и ещё сверх, из прошлого опыта: не жди, не оглядывайся, не жалуйся, иди...”

Тем не менее он продолжает работать. В начале 93-го, читая новый роман В. Астафьева, он записывает в дневнике: “Читаю В. Астафьева — роман “Прокляты и убиты” (“Новый мир”). Астафьев излишне уверовал, что роман ему по силам. В этом — первое несчастье. Второе: он привнёс в изображение далёких дней и тогдашних людей то, что хуже сегодняшнего знания, — сегодняшнюю озлобленность и несправедливость; ...его прежние срывы в злобу и мстительность превратились в норму повествования; оснастив же текст подлым матом, он усугубил изображаемое и всячески нагнетаемое, концентрированное непотребство...” Он ещё успеет написать обстоятельную, неотразимо доказательную статью об этом романе “Объявление вины и назначение казни”, и она выйдет в десятом номере журнала “Дружба народов” (1993).

“Октябрь, 93. Без даты. Если искусство в самом деле, — а это так, — преодолевает смерть, то только тогда, когда являет собой жизнь и сберегает её, и воскрешает человека. Это вечное открытие жизни и человека, его глубины, разнообразия, богатства”.

“7.10.93. Я вернулся домой 1 октября. Как спокойна и свободна была душа моя первые два-три дня дома. После всего — успокоилась. Это теперь в неё возвращается вся полнота жизни — полнота её сумятицы, тревоги и горечи.

3–4-го — стрельба. Российский парламент в очередной раз упразднён. Торжествуют мои бывшие друзья и единомышленники (давние, бывлые) — стыдно. Перебито много народа.

Когда я был в больнице, застрелился В. Л. Кондратьев”.

И дальше — без даты: “Этим кажется, что всё они знают, но знать можно — книги, фильмы, картины, но жизнь — никогда.

Конец истории — конец литературы. Но если первое — неправда? И тотальная победа западного либерализма — миф?..

Это рассуждают люди, когда думают, обретаясь в Москве или в сфере её тесного общения, что всё кончено. Они не учитывают, что остаётся страна и её народ, уже в ста верстах от Москвы — другой.

Припомним, что противостояло идеологическому мифу, внутри которого нам предлагалось жить?..

Ответ простой: жизнь.

Не та, что в газетах, по радио, на экранах, в речах начальства, в романах, а другая, никуда не попадавшая, оттесняемая, отодвинутая, как бы невидимая. Она мешала и раздражала своим несовершенством, разрушала столь совершенный миф.

И эта жизнь должна была прорваться...

Литература 60–80-х годов оказала немалое влияние на духовную атмосферу страны, потому что она вернула жизнь и подчинилась жизни, как Богу. Жизнь негодна, когда она не совпадает с мифами. А новые мифы не замедлили явиться. Особенно это видно по журналистике.

Энтузиасты разрушения своим криком и грохотом, торжествующим визгом постарались заполнить всё печатно-визуальное пространство.

Почему же они говорят: поменьше жизни и подальше от правды?

Они не знают того, что знали про жизнь Абрамов и Трифонов, Астафьев и Носов, Панова, Сёмин, Казаков...”

“25.10.94. Я ничего не хочу писать. Я заболел от запахов расцветшей “демократии”.

Это фантастика, но, может быть, я даже бы выздоровел, если бы вся эта

“президентская рать” куда-нибудь исчезла, и вместе с ней всосались бы назад, в тёмные глубины, эти хамство и наглость – чёрная жижа так называемой свободы”.

“25.12.92. Они хотят сказать, что всё, чем мы руководствовались в жизни, чему следовали в поступках, – ничто.

Да, с детства, с юности и дальше я помнил, что, кроме меня, есть нечто большее, чему я принадлежу, – это родина, народ, его большинство. Меня воспитали – все, особенно книги, – что есть другие, и о них надо помнить”. С этим чувством “необходимости соучастия и помощи” он жил. С этой меркой подходил и к окружающим людям, и к себе. Умел любить и понимать не только дальних, но и ближних – родителей, жену, сыновей, друзей. Не понимал, когда жертвуют близкими даже ради высоких целей. Размышляя о Желябове (после прочтения романа Ю. Трифонова “Нетерпение), ради революционного дела оставившем жену и маленького сына, Игорь Александрович пишет: “Ради жизни сына я бы всякую революцию бросил, ничего не надо, оставьте сыновей, жену, и мне хватит смысла жить. Во всяком случае, всё прочее – потом, во-вторых. Жертвовать можно собой, но не другими. Начни жертвовать другими – во имя революции, справедливости, искусства, осуществления таланта, – и кончится это чем-нибудь отвратительным”. Дом, семья всегда много значили для него. Даже в эти последние месяцы в больнице больше всего он беспокоился не о себе любимом, о них – о жене, родителях, детях: “Мне надо вырваться – не ради себя. Лучше не писать... Я не хотел бы подвести вас, мои милые. Вот что меня мучит”.

4 февраля 1994 года Игорь Александрович записывает в больнице: “Виновата сама интеллигенция (её наиболее активная, шумная, заметная часть), что всё так вышло: как всегда, спешили, как всегда, красовались, поглядывая на себя в телеэкран, как всегда, думали, что истина на их стороне, в кармане, – и кружили, высмеивали, топтали то, что следовало всего лишь изменить и перестраивать...”

Они дружно убивали социалистическую идею и теперь оказались пустыми, бессмысленными, ничего не имеющими за душой, – осталось всё чужое, скучное, эгоистическое... “Народ” в устах этой интеллигенции – запретное, почти бранное (Ю. Карякин) слово.

Когда это произошло, права называть себя интеллигенцией не стало”.

О Тамаре Фёдоровне Дедковой нужно сказать особо. Она всегда была рядом, даже когда ещё не была (Игорь уже работал в Костроме, а Тамара заканчивала тот же факультет журналистики) – была в звонках, письмах, дневниковых записях... Тамара стала для него не только женой, любимой, единственной, но и настоящим другом, любящим, понимающим, никогда не подталкивала к поступкам, несовместимым с его нравственным кодексом совести и чести. Она и сама была хорошим, талантливым журналистом. После смерти Игоря Александровича тщательно и с огромной любовью подготовила к печати его дневники, которые с конца 90-х печатались в “Новом мире”, а в 2005 году вышли отдельной книгой в издательстве “Прогресс-Плеяда”. Книга “Игорь Дедков. Дневник. 1954–1994” – уникальное свидетельство времени и замечательный человеческий документ, подобного которому нет в нашей литературе последних 20–30 лет.

“Дневник” И. А. Дедкова вместил в себя богатейший жизненный материал сорока лет нашей общей жизни, увиденный и осмысленный умным и честным наблюдателем и исследователем не придуманной, а “живой” жизни. Это и “политические” будни, и хроника литературной жизни, и фрагменты переписки с писателями и критиками, и ставшие уже историей бытовые детали. Дневник-летопись, дневник-исповедь, но более всего – дневник-роман, в котором читатель-современник узнает себя. В “Дневнике” он рассказал о внутренней, духовной жизни порядочного, интеллигентного и незаурядного человека своего поколения. Жаль, если его прочтут немногие. Хочется сказать, что читается он с захватывающим интересом – несмотря на объём и неизбежную фрагментарность дневниковых записей. Жаль, прежде всего, потому, что герой-автор – пример человека, который, по словам Р. Роллана, видел жизнь такой, какова она есть, и умел её любить. Человека, который не продавал свою совесть и выстоял. А в сегодняшней жёсткой повседневности это те качества, на которые можно опереться.

Из последних записей:

“29.1.94.

– Понимаешь ли ты, что с тобой?

– Понимаю. Абсолютно ясно.

– Готов ли ты, понимая, противостоять до конца?

– Готов.

– Но не всё же в твоих силах. Вспомни, к кому ты обращался в заснеженном парке, под соснами.

– Да. Не всё. И, может быть, не так уж много в моих. Но если бы немного везения – у меня его давно не было. И главное – быть

помилованным,

поддержанным,

укреплённым...

Другого ответа у меня нет, и другой надежды тоже.

Не мечтай, не заглядывай в дальние дни, не рассчитывай, не утешай себя – иди вперёд...”

“6.11.94. А вчера – солнечный мартовский день – гуляли с Томой до смотровой площадки Ленинских гор и потом к Университету. Я шёл и говорил себе: благодари за каждый день, – такой или не такой, – благодари за счастье идти рядом с родным человеком и видеть над собой это ясное голубое небо и слепящие полотнища снега, за каждый миг жизни благодари”.

27 декабря 1994 года И. А. Дедкова не стало.

...Самая последняя запись в дневнике – о ней, Тамаре. “Декабрь. Без даты... Не знаю, принёс ли я тебе счастье, ты мне – да! Другого не хотел, не воображу, не искал. Без тебя моя жизнь, всё лучшее и достойное в ней не состоялось бы. Ты всегда была моей единственной”.

г. Саров